

Сможет ли Россия в XXI в. предложить миру более привлекательный образ будущего, чем слишком многих не устраивающая нынешняя система, глобально ориентированная исключительно на текущее потребление? Где каждое государство и отдельный человек хотят откусить побольше от глобального пирога, и в этом видится основной критерий успеха. Но мало кто замечает, что пирог этот давно не растет, а усыхает, и качество его ухудшается.

3. Российский тренд: от индустриального Модерна к «неотрадиционализму»?

Постсоветский период все чаще трактуется как возврат России в мировую историю, в капиталистическую миросистему, из которой она в период СССР была частично выключена. Однако этот возврат обусловил ряд неприятных открытий, реакцией на которые стала попытка восстановления России как автономного пространства, не испытывающего влияния извне и не вписывающегося в общие мировые закономерности. «Культура страны, вставшей посередине между Европой и Азией, предстает в образе непостижимого Сфинкса, в виде соединения несоединимого, которое нет смысла ни оценивать, ни анализировать. “Исключительность” России — это тезис, подтверждающий сам себя и не нуждающийся ни в каких доказательствах, ибо выступает в качестве исходной аксиомы мышления. Для того, чтобы осознать эту исключительность, русскую историю и социальную практику первым делом исключают из контекста “общего” повествования. Одно дело — сказать, что мы “не нормальная страна”, или, наоборот, заявить, что у нас своя, особая, им недоступная норма. А другое дело — осознать, что общие нормы включают и наш опыт как частный случай. Просто норма не такова, как кажется...»¹

Здравый смысл позднего советского общества уже не был принципиально иным, чем в иных регионах миросистемы. Поскольку оно представляло собой версию реализации классического классово-индустриально-идеологического Модерна, гибридное общество традиционного и потребительского типа. Но в итоге конфликт системы и жизненного мира был разрешен в пользу второй составляющей, то есть снятием ограничений на потребление, которое в своем непосредственном и отложенном виде является материальным аналогом бесконечного накопления капитала.

В настоящее время общество потребления *принципиально* устраивает все идейные лагеря и социальные группы в части своих фундамен-

¹ Кагарлицкий Б. Разгадка сфинкса // Русская жизнь. 27 августа 2008 г.

тальных ценностей, принципов, целей и логики функционирования. Спорят лишь о второстепенных вопросах — о минимуме и максимуме потребления, о возможностях его перераспределения от одних групп населения, стран и регионов мира к другим. Собственно, в этом и заключается присущий обществу потребления дискурс справедливости как дискурс перманентного передела. И альтернатив ему внутри такого общества быть не может по определению.

В идеальной модели современности-модерна внешние ограничения государства-монополии сводятся к минимуму, фактически здесь легально может действовать только самоцензура. Индивидуалистическая модель большого общества основана на проекте Просвещения, которое, по словам Канта, дает каждому взрослому гражданину возможность интеллектуальной автономии, право пользоваться собственным разумом для вынесения любых своих суждений и аргументации любых своих поступков, что плохо согласуется с внешней цензурой¹. Для этого от человека требуется определенное мужество и смелость, поскольку подобная свобода снимает ответственность за поведение человека с любых внешних регулятивных инстанций, будь то государство, традиция, социальный класс, семья, трудовой коллектив и т.д. Такая свобода имеет оборотной стороной долг нести личную ответственность за все сказанное и сделанное. Однако государство никогда не устроит подобная саморегуляция, поскольку интересы и права отдельных людей имеют свойство пересекаться, а для разрешения конфликтов нужен посредник, хранящий нормы, то есть государство.

Современные многосоставные, плюралистичные, урбанистические общества уже невозможно без их насильственной деградации и упрощения свести к традиционной одномерности, когда одно верование или система ценностей способны объединить абсолютное большинство. Это возможно лишь в том случае, если народное мнение спрашивать не будут. Единственный эффект подобного ограничения и «регуляции» — расширение пространства для произвола тех, кто возложил сам на себя от имени различных воображаемых структур и коллективных общностей (государство, Россия, мораль, Бог, истина, пролетариат, «нормальные люди») монополию на определение политической нормы и патологии.

Возникает резонный вопрос — а судьи кто? Факт занятия неких государственных, властных постов вовсе не делает их легитимными «прогрессорами» в отношении всех остальных. Легальные основания чьей-либо монополии не самоочевидны. Поскольку в мультикульту-

¹ См.: *Кант И.* Ответ на вопрос: «Что такое Просвещение» // Кант И. Соч. В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 25–36.

ном и мультиконфессиональном обществе все ценности имеют право на существование, даже в том случае, если они кому-то не нравятся. Поэтому в современном секулярном мире любые внешние ограничения, адресованные взрослым людям и исходящие от государства, церкви или иной корпорации, все чаще встречают обоснованное сопротивление, так как представляют собой не что иное, как попытку превратить рационально мыслящего и самостоятельного индивида в ребенка, якобы не способного отвечать за свои действия и нуждающегося в неких «родителях», которые за него и для него будут определять, «что такое хорошо и что такое плохо», решать, что можно читать, писать, говорить, изображать, а что нельзя.

В индивидуализированном обществе человек будет действовать скорее вопреки внешним запретам, отстаивая пространство своей привычной свободы и солидаризируясь с теми, чью свободу пытаются поставить под сомнение путем низведения к искусственному состоянию детской неспособности. Любое сокращение прав и свобод, приватно-автономной сферы индивида со стороны государства является динамическим процессом, и без сопротивления людей, обозначающих разумные пределы вмешательства общества в частную жизнь, ее огосударствление может пойти весьма далеко.

Безусловно, государство всегда испытывает искушение, вместо того чтобы тратить усилия на уговоры, поиск аргументации, на дискуссии, диалоги и попытки наладить со своими реальными или воображаемыми оппонентами равноправную коммуникацию, просто запрещать, сажать, ограничивать всех тех, чьи убеждения и действия не вписываются в господствующие идеологические представления и нормы, наказывать их как провинившихся детей, которые чего-то там «недопонимают». Но эффективность подобной простоты лишь кажущаяся. В ее основе часто лежит бессилие вертикального классово-идеологическо-индустриального государства перед сетевым, мобильным и все менее связанным национальными границами обществом, его неспособность отстоять свою правоту на интеллектуальном поле, не прибегая к системе насилия, пусть и легального, но часто уже не легитимного. Ведь любое законное насилие становится просто насилием, если к нему прибегают слишком часто и безрезультативно.

Государство, обладающее правом на легитимное насилие, установление предписывающих норм и законов, регулирование публичной сферы, может существовать, лишь избегая тщетных попыток регулирования ряда периферийных феноменов «прóклятой стороны вещей», таких, например, как экстремизм. Государство как монополия имеет в своей основе систему ценностей, правил и ограничений, а любая ценность, определяющая общественные правила, является по своей

сути запретом. Даже ценность свободы есть не более чем запрет «отнимать» свободу. Проблема в том, что ни одна ценность не может находиться в «естественном» привилегированном положении, поскольку все они логически уязвимы в качестве монопольных норм, предлагающих образцы должного, которыми человеку следует руководствоваться в своей жизни, будь то рациональность, эгоизм, коллективизм, честь, здравый смысл, «воля к власти», та или иная вера, традиция, научный эмпиризм и т.д.

Ни одна из этих ценностей формально не может быть мерилom для других, поскольку все они являются ограничениями и императивами, разделяемыми людьми «здесь и сейчас» и действующими только в силу данных обстоятельств, а не в силу их некоей вневременной истинности. Объективной сверхценности, являющейся мерилom всех остальных ценностей, в обществе Модерна быть не может. Критерием служит лишь изменчивый общественный консенсус относительно тех или иных ценностей и правил. Поэтому и государство, и общество являют собой площадку исторической борьбы интересов и ценностей, которые время от времени уступают друг другу место господствующей общественной нормы.

Поэтому наблюдаемая ныне правотворческая агрессивность российского государства в области определения экстремизма, регулирования выборов и информационной политики, которая исходит из презумпции виновности граждан, ведет лишь к обратному результату¹. Запретный плод сладок. Лучший способ мотивировать людей что-либо сделать, это запретить данное действие. Такие занудно-графоманские тексты, как «Майн кампф» А. Гитлера можно прочитать только наперекор стимулирующему запрету, а вовсе не благодаря его наличию в свободной продаже. Искусственный дефицит зла и отсечение «проклятой стороны», любые ограничения будут тут же с лихвой восполнены параллельными и неформальными каналами информации.

С другой стороны, представляется очевидным, что усиленная борьба с экстремизмом, терроризмом и доморощенными фашистами, демонстрируемая российскими политическими элитами в СМИ, выполняет две важнейшие функции. Во-первых, она обосновывает и проявляет на конкретных примерах «борьбы» моральность действующего государства, политического режима, социально-экономической системы и всех тех, кто действует от их имени. Во-вторых, она проводит основополагающие политические границы: нормального/патологиче-

¹ Подробнее о рождении государственного экстремизма из духа борьбы с «просто экстремизмом» см.: *Мартынов В.С., Фишман Л.Г.* Быть свободным или «бороться с экстремизмом»? // Новый мир. 2008. № 11. С. 132–152.

ского, легального/нелегального, закона/произвола, морального/аморального. То есть легитимирует действующий политический режим, одновременно позволяя методами монополии на классификацию политического поля выводить за его пределы все то, что угрожает его дальнейшему существованию. И это при том, что несмотря на все более активное присутствие в информационно-политической повестке дня, в законодательной и правоприменительной практике, реальная значимость и воображаемая опасность экстремизма в глазах граждан России уменьшается. Согласно результатам опросов, проведенных в 2008 г. Левада-Центром, среди внутренних угроз России экстремизм является аутсайдером, вызывая опасения лишь у 5% опрошенных (в 2007 г. — 10%). А больше всего население волнуют такие угрозы, как произвол властей (20% опрошенных), экономические проблемы и снижение темпов развития (19%), борьба кланов внутри власти (12%)¹. Таким образом, самоопределение и легитимация через борьбу с экстремизмом более важны для властных элит, нежели для населения. Именно для элит, выстраивающих систему «управляемой демократии», ситуация выглядит так, что по мере приближения к торжеству оной сопротивление разного рода недовольных возрастает. И чтобы подавить недовольство используется термин «экстремизм» — столь же широкий и неопределенный, как само это недовольство.

Элита формирует выгодную повестку дня, замещая темами терроризма, фашизма и судеб отдельных олигархов такие важные для российского общества проблемы, как бедность значительной части населения и бюджетников, ухудшение структуры экономики, экстремальное социальное расслоение, демографический упадок и т.п. На самом деле ключевые задачи, стоящие перед Россией, совсем другие, нежели те опасности в виде миграции, «куриного гриппа», международного терроризма, которые раздуваются в информационной повестке СМИ. Кроме того, во внешней политике Россия все активнее использует тупиковый конфликтный сценарий, который мешает ей эффективно отстаивать национальные интересы в режиме нормального политического торга, частью которого является привычная риторика США и стран ЕС о правах человека, демократии, свободе и т.д.

Возможно, нынешняя правящая элита не находит ничего лучшего для себя, как видеть российское население не самостоятельными гражданами, а всего лишь опасными и несмышленными детьми, которые загораются любыми прочтенными или услышанными где-то идеями и начинают претворять их в жизнь, и от которых эти идеи, как спички, нужно прятать. Сама себя она, очевидно, считает — благода-

¹ Данные сайта Левада-центра: <http://www.levada.ru/press/2008020800.html>.

ря своему положению — никогда не ошибающейся в различении полезного и вредного, добра и зла. Эти «отцы народа», периодически пугающие общество опасностью какого-нибудь экстремистского «фашизма», явно переоценивают степень своей пронизательности. Впрочем, они не одиноки. Не так уж давно по историческим меркам элита очень цивилизованной европейской страны сама отдала власть одной печально известной «экстремистской организации», несмотря на то что большинство граждан этой страны за нее на выборах не голосовали. Речь идет о германских нацистах и партии НСДАП, набравшей на выборах 1933 г. около 46%. Страшную ошибку в выборе добра и зла совершила как раз элита, а народ-то в своем большинстве проголосовал за других...

Стоит вспомнить, что в 1990-е гг., в ельцинский период в России пропагандировалось и издавалось все, что угодно, почковались самые разные политические организации, с расистским, нацистским и фундаменталистскими уклонами. Но при всей этой безмерной свободе, данной Конституцией РФ, почему-то ни одна из экстремистских групп или идеологий не оказала существенного влияния на политическую жизнь России, оставаясь в своем маргинальном политическом гетто. И такая ситуация изоляции экстремизма поддерживалась вовсе не благодаря запретам и законодательным усилиям власти, но благодаря широкому общественному согласию граждан в обществе, которое посредством перманентных дискуссий само определяет границы приемлемого и неприемлемого в политике.

Прогноз дальнейшего развития ситуации прост. Ограничения и ужесточения лишь разожгут дополнительный интерес к той маргинальной сфере, которая усилиями государства приобретает сладкий привкус запрета. Запретные списки экстремистских материалов и организаций, составленные на основе сомнительных критериев, будут множиться, как снежный ком. В обществе потребления, где все доступно, сфера немногочисленных прямых запретов приобретает особый магнетизм. Поэтому экстремизм в российском обществе будет лишь расширяться как «проблеченная сторона вещей». А само общество, будучи помещено в искусственное пространство интеллектуальной и информационной стерильности, сервильности и благонадежности, во многом потеряет «естественный иммунитет» как способность самостоятельно сопротивляться тем интеллектуальным болезням и инфекциям, от которых его ограждают.

Итак, проблема в том, что в плюралистическом обществе Модерн-современности ни одна идеология не может быть в монопольном положении, а общенациональная идеология, как показали бесплодные попытки ее конструирования в России 1990-х гг., вообще невозможна:

любая идеология призвана выражать в историческом контексте взгляды части общества, той или иной социальной группы, но не общества в целом. Соответственно, невозможна и надидеологическая, объективирующая позиция, которая могла бы, исходя из собственных внутренних критериев, отделить «проклятую сторону» от «нормальных идеологий». Здесь опора государства на идеологии оказывается нефункциональной. Таким образом, идеологическая монополия государства стремительно сокращается, а легитимность способов прямого регулирования в тех или иных сферах общественной жизни постоянно падает.

Когда-то оправдание подобного регулирования строилось на великих целях, требующих жертв и самоограничительной аскезы, будь то война, соперничество с другими странами, модернизация, построение коммунизма и т.п. В современном мире подобное алиби государства воспринимается как неудачное оправдание чьих-то корпоративных интересов. Великие цели и «метанарративы» (Ж.-Ф. Лиотар), по сути, нужны в нынешнем мире лишь тем, кто оказывается лишним в «индивидуализирующемся», информационном, сетевом обществе, складывающемся в мегаполисах — это раздутые аппараты федеральной и региональной бюрократии, спецслужбы, армия, МВД, госмонополии, всевозможные контролирующие и регулирующие органы и прочее. В саморегулирующемся и девертикализованном урбанистическом обществе они востребованы все меньше, теряя функциональное алиби, легитимность и финансирование.

Тем не менее уже ненужные части государственной монополии модернистского образца продолжают бороться за право на существование. В результате лояльность перестает быть одним из факторов удержания монополии, поскольку должна подкрепляться не только удовлетворением текущих потребностей и обеспечением относительно комфортных условий жизнедеятельности граждан, но и некой сверхидеей, которая легитимирует насилие государства и обеспечивает консолидацию общих ценностей и идеалов. Подобных сплывающих проектов новейшим российским государством за последние 20 лет предложено не было. Возможно, потому, что множественные и разнообразные трансформации Модерна, ускоренные социальными изменениями постбиполярного мира, в особенности опытом развала/распада СССР, не являются окончательными в своих существенных чертах.

Происходящие трансформации российского государства как вида монополии не всегда явно выражены институционально. Такие «метаморфозы», как переходы от классового общества к массовому (потребительскому), стирание различий между социальными группами и их превращение в виртуальные «группы населения», процессы трансгрес-

сии привычных идеологий и легитимирующих политику ритуалов (выборы, демонстрации, опросы, референдумы и т.д.), индивидуализация и урбанизация постмодернового мира, плохо описываются доминирующим ныне категориальным аппаратом эпохи Модерна.

Поэтому популярные теории постиндустриализма, информационного или сетевого общества, «общества без идеологий и утопий», транснационализации во многом является скорее желаемым образом будущего, нежели эффективным способом описать реальность настоящего и интегрировать на более универсальных основаниях растущую «проклятую сторону». Нации-государства все еще остаются ключевыми монополиями мировой политики, сколь бы активно их легитимность ни подтачивали транснациональные корпорации и мультикультуралистские теории. С позиций социальной диагностики скорее можно говорить об усилении «неодновременности» современных сложных обществ, «гетерархии» государств и увеличении вызовов легитимности, перед лицом которых оказались нации в условиях общей транснационализации политического.

Представляется, что успешность преодоления критической раздробленности выражается в том, насколько конкретному обществу удастся сгладить различные формы неравенства, обеспечить доступ людей к различным возможностям. Главная причина раздробленности — в имущественном расслоении, растущем образовательном и статусном неравенстве, в региональных диспропорциях, ценностных конфликтах поколений, социальных и этнических групп, проживающих в урбанистических и неурбанистических культурных ландшафтах, граница между которыми является фронтиром прошлого и будущего, синтезировать которые в настоящем становится все сложнее.

В 2000-е гг. эволюция государственных институтов и их легитимирующих оснований в России двигалась в направлении все большей монополизации и унификации политического пространства. Безусловно, централизация российского государства в 1990-е гг. была необходима, чтобы новые политические институты и лежащие в их основе общественные логики вообще возникли и заработали, хоть как-то выполняя свои функции. Однако чем дальше, тем больше централизация и построение функциональных вертикалей власти выполняли функцию алиби для свертывания конкурентной и непредсказуемой публичной политики. Государство фактически отказалось бороться с социальной энтропией в публичном политическом поле.

Публичное пространство продолжает сокращаться, система формальных сдержек и противовесов постепенно отмирает, сменяясь договоренностями узкого круга лиц, а институты приобретают все более декоративный и номинальный характер. Например, несмотря на фе-

деративное устройство России, были фактически упразднены самостоятельные пространства региональных политик. Экономика постепенно эволюционировала в замкнутую цепочку монополий федерального, регионального и местного масштаба во всех основных сегментах рынка. Контроль над основными СМИ способствовал перемещению общественных дискуссий на более маргинальные пространства (Интернет, круглые столы, экспертные клубы и т.п.).

Огосударствление экономики и разрастание контролируемой публичной сферы в современной России, по сути, возвращает государство и методы его управления в лучшем случае к классическому «советскому Модерну». С другой стороны, российское общество окончательно преодолело данный исторический этап в ходе урбанизации, перестройки и последующих институциональных трансформаций, продемонстрировав, что государственные и общественные идеологемы и структуры классического Модерна работают все хуже¹. К аналогичным выводам приходит и Б. Дубин, обобщая результаты социально-политических изменений постсоветского периода: «Ни одна из основных проблем постсоветского социума — строительство современных институтов, нормализация процессов воспроизводства общества и систем его управления, интеграция страны в большой мир — не только не решены всерьез, но отодвинуты даже их постановка и обсуждение. Большинство серьезных и неотложных реформ — земельная, армейская, образовательная, жилищно-коммунальная — не сдвинулись с места»².

Соответственно, наблюдаемые в 1990–2000 гг. процессы изменения постсоветского государства описываются Б. Дубиным как «упразднение или кардинальная трансформация собственно современных институтов... возвращение и нарастание имперских, ностальгически или остаточно великодержавных моментов в системах *коллективной идентификации* российского населения — мифов об “особом пути” страны, изоляционистских установок в отношении Запада, реакций отторжения и агрессии по адресу этнических “чужаков”. Это процессы нарастающей неотрадиционализации социума... воскрешение в массовом сознании мифологии силовых институтов и авторитарных систем (армии, тайной полиции)...»³.

Более того, как аргументировано утверждает Л. Гудков, «поскольку центральные институты в России, поддерживающие символику и семантику всего социального целого, — это институты государственной

¹ См.: *Мартынов В.* Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2007.

² *Дубин Б.* Жизнь в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 6.

³ Там же. С. 7.

власти, вооруженных сил, “органов”, то “насилие”, “агрессия” превращаются в доминантные коды социальной организации населения. Где действуют нормы демонстративного насилия, там вытесняются проблематика и сам язык “понимания”»¹.

Такого рода функциональное упрощение оказалось эффективным только во «внутренней реальности» самой власти, в качестве способа преодоления ее собственной неоднородности, то есть усмирения региональных элит, формирования механизма «преемничества», обеспечения парламентского большинства, устранения из «большой политики» независимых и несистемных игроков-олигархов, коррекции выборного законодательства в плане обеспечения предсказуемости народных волеизъявлений и т.д. Но общая дифференциация расколотого постсоветского общества, экономическая, региональная, поколенческая и идейная дифференциация вовсе не уменьшились. Наоборот, поскольку общество имеет все меньше механизмов для заявления своих ценностей, целей и требований, все чаще рассматриваемых государством как разрастание «проклятой стороны», происходит определенная деградация обратной связи всей системы механизмов адаптации и самонастройки государства и общества к изменениям, происходящим внутри и вне его.

В результате, если продолжить биологические аналогии, государство начинает испытывать явные трудности с приспособлением к внешней среде системы. Поэтому возможные изменения этой среды — экономические кризисы, системные конфликты элит, природные катаклизмы, внешнеполитические вызовы — могут привести к элементарному уничтожению системы государственных институтов в их нынешнем виде. Чем активнее государство изживает «зло» политической конкуренции в пользу монопольного «добра» — путем замалчивания, исключения, запрета, — тем все более опасные и неизлечимые формы начинает принимать «проклятая сторона», угрожая, в конце концов, разрушить не изнутри, но извне (где, собственно, и оказывается все вытесняемое и исключаемое) доминирующую монополию.

Основная проблема заключается в том, что российское государство меняется в сторону воспроизводства и симуляции когда-то эффективных исторических институтов, в направлении «неотрадиционализации», в то время как все более «индивидуализированное» российское общество меняется по направлению к будущему, которое не имеет аналогов в прошлом и настоящем, а следовательно, требует не аналогий и применения отработанных временем рецептов и институтов, а твор-

¹ Гудков Л.Д. Невозможность морали. Проблема ценностей в посттоталитарном социуме // Независимая газета. 9 апреля 2008 г.

ческого изобретения новых механизмов регуляции, основанных на все более универсальных и эгалитарных основаниях, отсылающих не столько к пространству тех или иных исторически и культурно сложившихся национальных политик, сколько к глобальному миру. Поскольку эффективность государства в актуальной миросистеме может быть только глобальной, а национальное — лишь одно из многих мест применения глобальных социальных новаций.

Модерновому по своим схемам управления и легитимации государству все труднее управлять массовым, потребительским, аполитичным обществом. Масса ускользает от определения своей сущности, фиксации своей идентичности, патриотической риторики (потребитель — естественный космополит), от всех тех приемов национальных государств, посредством которых ею можно было бы манипулировать как политическим субъектом, единым политическим классом. В свою очередь, жесткой стратегией масс является провокация, которая, будучи осуществленной демонстративно, заставляет власть прибегнуть к альтернативе, на угрозе которой строится ее сущность — к насилию. Однако именно необходимость прибегать к насилию дискредитирует власть: «Провокация является вызовом для властителя, требующим от него демонстрации или даже реализации своих альтернатив избегания, что приводит к разрушению его власти им же самим. Это типично детское испытывающее поведение, которое, однако, может быть рекомендовано и как общественно-политическая стратегия»¹. Практика «оранжевых революций» наглядно показывает, как технологически из подобных провокаций государства произрастают революционных изменения.

4. Будущее без идеологий и утопий

Властвующая элита не только не продемонстрировала массовому российскому обществу нравственных образцов, но даже не предприняла попыток их предъявить. Наоборот, на высшем политическом уровне общество видит лишь обывательские и эгоистические модели мышления и поведения.

Кроме того, элита так и не сумела разработать механизмы консенсуса, открытых общественных дискуссий, разделения полномочий и ответственности с оппозицией. Элиты оказались неспособными договариваться о взаимоприемлемых решениях, стабилизирующих политический процесс. Но и на уровне массового общества необходимый для консолидации страны моральный консенсус также не сфор-

¹ Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 183.